

МЕЖДУНАРОДНЫЕ УГОЛОВНЫЕ ТРИБУНАЛЫ

Интервью с Филиппом Киршем, председателем Международного уголовного суда*

Канадский судья Филипп Кириш является председателем Международного уголовного суда в Гааге, а также судьей в Апелляционной палате этого судебного органа. Он – член коллегии адвокатов провинции Квебек, в 1988 г. получил звание королевского адвоката. В 1998 г. судья Кириш являлся председателем Комитета полного состава Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда (Римской конференции). Он также был председателем Подготовительной комиссии для Международного уголовного суда в 1999–2002 гг. Судья Кириш обладает обширным опытом в области развития международного уголовного права, особенно в вопросах, касающихся терроризма. Его деятельность в сфере международного гуманитарного права включает работу на посту председателя Редакционной комиссии Международной конференции по защите жертв войны в 1993 г., председателя Редакционной комиссии XXVI и XXVII Международных конференций Красного Креста и Красного Полумесяца в 1995 и 1999 гг., а также участие в работе совещаний по подготовке этих конференций. Он являлся председателем Канадского национального комитета по гуманитарному праву в 1998–1999 гг. и был членом Группы международных советников Международного Комитета Красного Креста в 2000–2003 гг.

* Интервью состоялось 1 февраля 2006 г. в Гааге. С г-ном Киршем беседовал Тони Пфаннер, главный редактор Международного журнала Красного Креста.

– Каким Вам видится развитие международных трибуналов?

– Прежде всего важно понять, что международное правосудие представляет собой систему; это не отдельные судебные инстанции, ничем между собой не связанные. Также необходимо отметить, что никто не отменял основной принцип: государства несут ответственность за преследование преступников. От государств зависит осуществление юрисдикции в отношении преступлений – всех преступлений, включая самые серьезные, такие как геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Тем не менее становится очевидной специфическая черта XX в., особенно его второй половины, – в некоторых ситуациях национальные судебные органы не смогли полностью или правильно выполнить свои задачи, а в отдельных случаях международное сообщество не пожелало, чтобы определенные дела рассматривались национальными органами власти. Именно в ситуациях, в которых совершаются самые серьезные преступления, национальные судебные органы оказываются наименее эффективными.

Мы начали осознавать необходимость учреждения международных трибуналов уже в Нюрнберге и Токио, а впоследствии в бывшей Югославии и Руанде. Однако стало очевидным, что не следует идти по пути создания новых трибуналов, потому что такие трибуналы были обращены к прошлому и обладали ограниченной географической юрисдикцией, а работа по их учреждению требовала огромного количества времени и денег. В каждом конкретном случае их создание также зависело от политического решения, принимаемого международным сообществом. Сразу же после окончания Второй мировой войны мы поняли, что однажды возникнет потребность в постоянном и независимом суде. Этот процесс, нарушенный «холодной войной», был возобновлен в конце 1980-х гг. и усилился благодаря созданию специальных трибуналов.

– Организация Объединенных Наций состоит из государств и не имеет действительной исполнительной ветви власти, но она обладает международными юридическими полномочиями в уголовных делах. Не опережает ли постоянный уголовный суд политическую действительность?

– Для начала необходимо отметить, что Международный уголовный суд не зависит ни от ООН, ни от любой другой политической организации. Действительно, существует соглашение между Судом и ООН, но это соглашение о сотрудничестве, целью которого является достижение кон-

кретных результатов, взаимного признания и взаимодействия на различных уровнях. Сотрудничество особенно важно для Суда, потому что государства хотели, чтобы этот судебный институт был сильным, несмотря на отсутствие полномочий исполнительной власти. Таким образом, Статут устанавливает систему сотрудничества, которая, хотя и является жесткой, несопоставима с национальной системой. В ней нет ни полиции, ни армии, никаких средств, которыми обычно может воспользоваться национальный суд. Этот недостаток должен быть исправлен при помощи других внутренних или международных механизмов.

Возвращаясь к сути вопроса, отмечу, что ранее созданные международные трибуналы навязывались государствам, тогда как Международный уголовный суд был создан государствами и отражает их волю. Необходимо подчеркнуть, что, хотя система сотрудничества и жесткая, она отражает волю этих государств: государства желали иметь такую жесткую систему правосудия. Логически рассуждая, помимо навязанных государствам ситуаций, таких как в Дарфуре, государства-участники всего лишь действуют в соответствии со своей волей. Хотя я и не нахожусь на передовой, у меня складывается впечатление, что, пока взаимодействие с Судом происходит относительно эффективно, возникает меньше преград для сотрудничества и отказов в нем по сравнению с тем, как это было в случае со специальными трибуналами.

– Наступит время, когда специальные международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде прекратят свою деятельность, возможно, так и не предав суду главных обвиняемых. Сможет ли постоянный уголовный суд продолжить работу этих двух специальных трибуналов, когда они прекратят свое существование?

– Нет, не думаю, что это будет возможно. Причины таковы: во-первых, их мандат ограничен определенными ситуациями, которые складывались в определенное время. Вероятнее всего, оба трибунала завершат свою работу через несколько лет. Во-вторых, мы не относимся к одной и той же системе. Специальные трибуналы принадлежат к системе ООН. А мы независимы. И в рамках ООН, и среди государств – участников Статута Международного уголовного суда я вижу мало сторонников смешения этих двух систем.

– Стремилась ли государства к созданию суда, который бы отличался от специальных трибуналов?

– Да, постоянный Суд дает много преимуществ. У него нет недостатков специальных трибуналов, о которых я упоминал выше. Это суд, куда можно обратиться без промедления. Кроме того, одно из главных практических различий между постоянным Судом и другими международными

трибуналами, и это вызывает определенную трудность, таково: трибуналы рассматривали преступления, совершенные в прошлом, в ходе конфликтов, которые уже закончились. И хотя дела не всегда шли гладко, перед ними не вставали сложнейшие проблемы практического характера, возникающие перед Международным уголовным судом, который должен иметь дело с преступлениями, совершающимися во время продолжительных конфликтов в чрезвычайно нестабильных и проблемных ситуациях и регионах.

– В основном Суд полагается на сотрудничество государств, особенно тех, где были совершены эти преступления. Не будет ли недостаточное сотрудничество со стороны государства препятствовать нормальной работе Суда?

– Если это государство-участник, то в рамках передачи дела государством, обладающим территориальной или национальной юрисдикцией, Суд направит дело в Ассамблею государств-участников и посмотрит, что она решит.

– А если Совет Безопасности направит ситуацию на рассмотрение в Суд, как он поступил в случае с Суданом?

– Если это передано Советом Безопасности, тогда Суд может обратиться к Совету Безопасности, чтобы тот пригласил государство к сотрудничеству и, в случае если государство не пойдет на это, принял необходимые меры. Это весьма гипотетично, потому что Суд стал функционировать совсем недавно. Два с половиной года назад его даже не существовало, и до сих пор ведется его формирование. Есть много конкретных ситуаций, с которыми мы еще не сталкивались.

Конечно, они весьма сложные, особенно если государство еще не является участником Статута Суда, а касающаяся его ситуация была направлена на рассмотрение в Суд. Прокурор проводит свою собственную политику, раз в несколько месяцев он должен представлять отчет Совету Безопасности. На данный момент он, и только он один, может дать оценку сотрудничеству. Например, Прокурор публично указал, что он не работает на территории Судана и что свидетели опрашивались в других странах. Понятно, что одного и того же результата можно достичь разными способами.

– Многие крупные государства, в том числе Китай, Индия, Россия и Соединенные Штаты Америки, не являются участниками Статута. Создается впечатление о существовании двойных стандартов. Как Вы решаете эти вопросы? Как Вы обеспечиваете восприятие Суда в качестве беспристрастного органа, каким он должен являться, чтобы заслуживать доверия?

– Необязательно граждане государства, не являющегося участником Статута, находятся вне юрисдикции Суда. В ситуации международного

конфликта, например, когда одно государство вторгается на территорию другого государства и преступления совершаются гражданами первого, Суд обладает юрисдикцией в отношении этих преступлений, даже если первое государство не является участником Статута, а второе является.

Однако не вызывает сомнения, что главная цель Суда состоит в том, чтобы добиться универсальности или, по крайней мере, приблизиться к ней. Стремится он к этому из принципиальных соображений, а также по причине практического характера. Что касается принципа, то это единственный международный суд, когда-либо созданный в соответствии с договором, и потому он должен быть демократичным и стремиться отражать универсальный характер международного сообщества. Что касается причин более практического характера, то Статут накладывает ограничения, связанные с согласием определенных государств, за исключением случаев, когда ситуация передается Советом Безопасности. Для того чтобы Суд осуществлял свою юрисдикцию, он должен получить согласие государства, гражданином которого является обвиняемый, либо согласие государства, на территории которого было совершено преступление. При таком условии определенное количество ситуаций остается вне юрисдикции Суда, если Статут ратифицировало недостаточное количество государств.

Обнадеживающая тенденция, которую я наблюдал в связи с этим, заключается в резком возрастании почти повсеместно осведомленности о Суде и понимания его деятельности, даже в государствах, которые не являются участниками Статута. Я был приятно удивлен во время своих недавних поездок: каждый раз я замечаю, что о Суде знают все больше и что в связи с этим его деятельность вызывает все большее понимание и больший интерес. Один из самых злейших врагов Суда – это неведение. До тех пор, пока Суд воспринимается абстрактно, как смутная угроза, как учреждение, занимающееся малопонятной деятельностью, он будет вызывать антипатию. Когда этот этап окажется пройден, понимание и интерес возрастут не только со стороны целых народов – у определенных государств может возникнуть заинтересованность стать частью данной системы. Это вопрос времени: Суду нужно дать время, чтобы о его существовании узнали, чтобы он провел первые разбирательства и можно было посмотреть, к чему это приведет.

Повторюсь: давайте не будем забывать, что Суд – очень молодое учреждение. Если взять Конвенцию по морскому праву, которая, безусловно, затронула внутренние интересы государств значительно меньше, то понадобилось 12 лет, прежде чем она вступила в силу. Однако для вступления в силу Статута Суда после его принятия на Римской конференции 1998 г. потребовалось всего четыре года. В общем, это большой успех, и я думаю, что факт присоединения к нему за два с половиной года существования 100 государств – тоже неплохой результат.

– На проведенной в ноябре 2005 г. сессии Ассамблеи государств-участников был поднят вопрос об общей стратегии.

– Мы все еще живем под влиянием специальных трибуналов, которые возникли как отклик на события. Государства-участники не хотят, чтобы Суд развивался стихийно, под натиском событий. Поэтому мы работаем над стратегическим планом на предстоящие годы, в котором пытаемся изложить задачи Суда, его цели и основные виды деятельности.

– Сколько дел сможет рассмотреть Суд?

– Это будет зависеть от ресурсов, которые, в свою очередь, зависят главным образом от Канцелярии Прокурора и от Ассамблеи государств-участников, от того, что представит Прокурор и что примет Ассамблея государств-участников. Тем не менее рассматриваются конкретные сценарии. С тем, что у нас есть сейчас, мы сумеем решить определенные проблемы, с большими ресурсами мы сможем сделать больше, с меньшими – сделаем меньше. Мы также рассматриваем вопросы, касающиеся организации и повышения эффективности внутренних структур. Два с половиной года назад штат сотрудников составлял 50 человек, а сегодня у нас работают приблизительно 600 специалистов разных специальностей. Вполне естественно, что этот динамичный и чрезвычайно быстрый рост привел к столкновениям культур – не только между органами Суда, но и среди некоторых сотрудников. Понятно, что представитель ООН не будет вести себя так же, как представитель частного сектора или дипломатический работник. Все это должно изменяться с течением времени. Мне кажется, что мы сделали огромные успехи. Нам необходимы структуры, которые, несомненно, приведут нас к успеху.

Внешние отношения крайне важны с различных точек зрения. Выстраивая свои отношения с государствами-участниками, мы обязаны объяснить им, чем мы занимаемся, чтобы они предоставили нам то, что нам нужно. Что касается отношений на местах, то необходимо добиваться понимания людьми деятельности Суда и создания условий, при которых потерпевшие, свидетели и целые народы будут охотно и активно сотрудничать с Судом. В целом, в наших отношениях с внешним миром мы концентрируем свои усилия на достижении понимания деятельности Суда. Наша политика заключается не в том, чтобы самим заниматься пропагандой Суда, – это должны делать государства и неправительственные организации. Но мы считаем своей обязанностью разъяснять вопросы, касающиеся деятельности Суда, когда нас об этом попросят.

– Международные трибуналы часто критикуют за медлительность. Сможет ли постоянный уголовный Суд работать более эффективно?

– Мы разрабатываем судебную стратегию для Суда, пытаемся предусмотреть предельно эффективные судебные процедуры и рассчитать время,

которое может понадобиться для проведения судебного разбирательства, предварительного этапа и апелляционной стадии. Также мы стараемся эффективно использовать ресурсы, это касается как внутренней организации Суда, так и руководства его внешней деятельности. Все это должно быть отражено в стратегии для Суда.

Что касается эффективности Суда, мы приняли во внимание опыт специальных трибуналов. Те положения, которые мы разработали для Суда, представляют собой попытку сделать необходимые выводы. Если ознакомиться с самим Статутом, можно увидеть, что уже были извлечены определенные уроки. Самым очевидным является создание Палаты предварительного производства. Ее цель – разгрузить сам процесс, решая заблаговременно такие вопросы, как юрисдикции, выдача ордеров на арест, подтверждения обвинений и определенные вопросы относительно свидетелей и потерпевших. Во всех случаях уроки, извлеченные из опыта специальных трибуналов, приведут к тому, что сам судебный процесс будет более отлаженным и менее сложным.

– Стала ли система международного правосудия более эффективной благодаря Статуту постоянного Суда?

– Да, Статут внес определенные улучшения, включая и то, что относится не к эффективности, а к тому вниманию, которое уделяется потерпевшим. В других международных трибуналах потерпевшие в основном являлись свидетелями, а в Международном уголовном суде они обладают собственным статусом – статусом потерпевшего. Суд делает все возможное, чтобы повысить эффективность и результативность своей работы. Но что бы Суд ни делал, что бы ни предпринимал, факт остается фактом, и он заключается в следующем: для решения всех проблем, которые остаются за рамками правовых и административных вопросов, Суду важно добиваться предусмотренного в Статуте сотрудничества с государствами, а также сотрудничества с международными организациями.

– На данный момент существуют четыре ситуации (Центральноафриканская Республика, Демократическая Республика Конго, Судан и Уганда), в связи с которыми Суд предпринимает конкретные действия.

– Существуют четыре ситуации, но ведется три расследования. Канцелярия Прокурора еще не приняла решения по четвертой – ситуации с Центральноафриканской Республикой.

– Все четыре ситуации имеют отношение к Африке. В случае с Суданом, который является исключением, поскольку эта ситуация была передана в Суд Советом Безопасности, Суд назвали

инструментом колонизации и неоколониализма. Как Вы относитесь к тому, что континент, который и так самый бедный в мире, воспринимается как регион, привлекающий к себе особое внимание Суда, чего нельзя сказать о других странах и ситуациях?

– Существуют три момента. Во-первых, хотелось бы напомнить о поддержке, которую оказала Африка Суду. Я был дипломатом и выступал в качестве председателя Комитета полного состава Римской конференции. Самые серьезные заявления, сделанные о Суде, исходили от африканских государств, потому что представители Африки сказали: «Вы европейцы, у вас есть гуманитарные ценности, вы хотите распространять эти гуманитарные ценности, вы хотите изменить к лучшему жизнь людей, а еще вы хотите, чтобы этот Суд внес вклад в дело поддержания всеобщего мира и достижения стабильности и мира в регионе. Но мы на собственном опыте познали последствия преступлений, совершенных на нашей территории, и хотим использовать Суд для предотвращения преступлений, которые могут совершить на нашей земле другие государства, будь это наши соседи или государства с других континентов». Я всегда был убежден и сохраняю это убеждение, что Римский статут никогда не был бы принят без поддержки Африки. Поэтому Африка – партнер, охотно сотрудничающий с нами, партнер, проявляющий в определенном смысле наибольший или, по крайней мере, очень большой интерес к Суду.

Во-вторых, в противоположность распространенному мнению, региональная группа, наиболее широко представленная среди государств-участников, не Западная Европа, а Африка.

Наконец, и это третий момент, три запроса о рассмотрении дел исходят от самих африканских государств. Суд не пытался получить эти запросы; именно африканские государства передали ситуации на рассмотрение в Суд. Что касается Дарфура, я отказываюсь принимать обвинения в неоколониализме. Именно Совет Безопасности, столкнувшись с чрезвычайно драматической ситуацией, в которой, как представляется, были совершены многочисленные серьезные преступления, решил передать эту ситуацию в Суд. А в состав Совета Безопасности входят не только западные страны.

Необходимо также отметить, что, хотя четыре ситуации были переданы нам, Прокурор также может передать дело в Суд по своей собственной инициативе. Он может начать расследование при условии, что Палата предварительного производства предоставит ему на это полномочия. Он еще этого не сделал, но с июля 2002 г. уже получил более 1600 сообщений из различных источников, главным образом от неправительственных организаций. Я думаю, что почти 80% этих сообщений,

а возможно, и больше, не могут быть приняты к рассмотрению, так как они касаются преступлений, не предусмотренных Статутом Суда, или событий, происшедших до июля 2002 г. (именно тогда Суд начал функционировать), или потому, что эти преступления имеют отношение к государствам, не присоединившимся к Статуту. Однако Прокурор заявил, что он держит на контроле еще пять ситуаций. Не знаю, что они собой представляют, это исключительная компетенция Канцелярии Прокурора, но мне кажется, что они касаются не только Африки.

Суд получил широкую поддержку не только в Африке, но и во многих других частях мира. Лишь в Азии и на Среднем Востоке в отношении его были сделаны определенные оговорки. В любом случае, нельзя утверждать, что Суд проявляет особый интерес к Африке.

Если и существует в данный момент какая-то проблема, то она касается того, как преподносится положение дел, а это не настоящая проблема. Конечно, если бы через 15 лет ситуация сохранилась без изменений, тогда, возможно, действительно возникла бы проблема; но вновь нужно подчеркнуть, что Суд – еще очень молодая организация.

– Несмотря на независимость Суда от ООН, Суд рассчитывает на сотрудничество с этой организацией. Однако ООН и ее специализированные учреждения нередко имеют совершенно различные мандаты. Некоторые учреждения выступают за справедливый мировой порядок и соблюдение прав человека, другие больше внимания уделяют гуманитарным вопросам, в то время как третьи проявляют большую политическую активность. Взаимодействует ли Суд с разными входящими в состав ООН организациями по-разному?

– Да, конечно. Я уже отмечал, насколько важно сотрудничать с государствами, а сотрудничество с международными организациями, в частности с Организацией Объединенных Наций, не менее важно. Нам необходимо иметь поддержку такой организации, как ООН, с которой уже налажена работа в данной области. Мы пригласили некоторые международные организации в Суд – главным образом для того, чтобы выяснить их отношение к сотрудничеству с Судом, понять, какие проблемы могут возникнуть, и, если они есть, подумать о том, как их можно решить.

– Одна из ситуаций, на которую распространяется юрисдикция Суда, это ситуация, когда государство не способно преследовать в судебном порядке военных преступников. В настоящее время, например, в восточной части Демократической Республики Конго и северной части Уганды часто отмечается нехватка соответствующих государственных структур. В некоторых местах нет даже полицейских под-

разделений, которые могли бы сотрудничать с Судом. Прокурор Суда должен вести дело и собирать доказательства там, где он может. Следовательно, в этом контексте он налаживает контакты со всеми, кто способен помочь, включая гуманитарные организации. Это создает проблемы для МККК, но также, вероятно, для других гуманитарных организаций и даже для Организации Объединенных Наций. Допустимо ли предоставлять помощь и одновременно собирать информацию, которую можно использовать при проведении уголовного преследования? Имеют ли приоритет соображения правосудия перед неотложными потребностями потерпевших или наоборот?

– Очень сложно ответить на этот вопрос. Он имеет отношение к Прокурору и указанным организациям и еще, вероятно, к секретарю. Кроме того, понятно, что соображения правосудия играют существенную роль и их нужно будет определить. Вопрос серьезный: как мы будем относиться к соображениям правосудия? Мне очень сложно размышлять о таких вопросах, не только как председателю Суда, но и как судье Апелляционной палаты. Однажды мне, может быть, придется содействовать вынесению судебного решения по этому вопросу. Однако очевидно, что проблема существует, поскольку для того, чтобы Суд функционировал, совершенно необходимо, чтобы он мог рассчитывать на сотрудничество тех, кто работает на местах.

– Также может существовать определенное противоречие между интересами правосудия и политическими интересами. Уголовное преследование способно предотвратить либо отсрочить прекращение огня или мирное решение конфликта. Некоторые люди полагают, что едва ли возможно достичь примирения, когда ведутся уголовные преследования. Говорят, что обвинения, выдвинутые в Уганде, спровоцировали нападения на потенциальных свидетелей и привели к возобновлению боевых действий. Можно ли узнать, как Суд будет реагировать в таких ситуациях?

– В Статуте есть два положения, имеющие к этому прямое или косвенное отношение. Первое заключается в том, что Совет Безопасности имеет право не только передавать ситуацию в Суд, но и откладывать проведение расследования или уголовного преследования на 12 месяцев. В Статуте ничего не сказано о том, что Совет Безопасности повторно не сможет прибегнуть к этой мере, так как он принимает это решение согласно Главе VII Устава ООН, касающейся международного мира и безопасности. Второе положение касается интересов правосудия. Прокурор может решить не начинать расследование, если считает, что оно не бу-

дет служить интересам правосудия. Очень сложно предсказать, как будет применяться это положение. Если признают, что Суд является частью мировой системы международного правосудия, то следует отметить (и здесь я возвращаюсь к отправной точке моих рассуждений), что эта система не носит исключительно правовой характер. Речь идет о системе, включающей в себя такие механизмы, как комиссии по установлению истины и примирению. Думаю, сосуществование всех этих структур вполне возможно, поскольку Суд создавался не для вытеснения национальных механизмов. Суд просто замещает национальные механизмы в таких случаях, когда государства не хотят или не могут привлекать к судебной ответственности тех, кто совершил какое-либо из преступлений, предусмотренных в Статуте.

– Но изначально ни у кого не должно быть возможности уйти от правосудия?

– Многие считают, что Суд был создан для преследования всех лиц, несущих ответственность за преступления, в отношении которых он обладает юрисдикцией. Таким образом, Суд выполняет также превентивную функцию. Его юрисдикция может осуществляться только в отношении лиц, занимающих высокие посты, тех, кто отдает приказ совершать преступления. Этим обусловлены и возможности Суда одновременно рассмотреть всего несколько ситуаций, касающихся, как я уже отметил, лишь нескольких лиц.

В результате множество лиц, виновных в совершении преступлений, не предстанут перед Судом – либо по причинам практического характера, либо по принципиальным соображениям. И тем не менее этих людей необходимо привлечь к суду, и здесь мы должны обратиться к национальным системам, где могут применяться как правовые, так и неправовые механизмы.

– Есть ли опасность того, что неправовые механизмы, применение которых сопровождается амнистией, сведут на нет обязательство преследовать военных преступников?

– Основной критерий Международного уголовного суда – последствия той или иной ситуации. Повлекут ли – преднамеренно или нет – действия, предпринимаемые государством, или использование определенных механизмов к таким последствиям, при которых национальные суды будут не в состоянии или не захотят надлежащим образом проводить расследование и уголовное преследование? С юридической точки зрения, я думаю, именно такой подход надо применять Суду при рассмотрении этих ситуаций, потому что система должна работать как единое целое и достаточно гибко.

– Несмотря на то что Суд так молод, над ним тяготеет ожидание успеха. Вы ощущаете это давление?

– Да. На данный момент, учитывая четыре ситуации, которые нам передали, у нас огромный объем работы. Суд четко осознает свою ответственность за доверие, которое ему оказали. Речь идет прежде всего о правовых вопросах, но здесь я спокоен. Конечно, нам придется учиться, но очевидно, что у каждого в Суде есть только одна цель: надлежащее управление правосудия. Мы работаем не по схеме. Я считаю, что со временем неизбежно станет очевидно: фактически Суд представляет собой тот орган, каким он должен быть – исключительно правовой институт, выполняющий исключительно правовую функцию, не осуществляющий преследования по политическим мотивам. Этого Суда мы ждали 50 лет, и сейчас он должен работать, потому что второго шанса не будет. Это очень важно, поскольку в конечном итоге его успешная работа может нанести удар состоянию безнаказанности, которое существовало всегда, и будет создана система, гарантирующая лучшее соблюдение принципа индивидуальной ответственности.